

В.М. Кульков¹,

МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

В статье сформулировано представление о структуре общей экономической теории и отражении в ней особенностей национальной экономики. Также раскрыты параметры национальной экономической системы и проанализированы специфические черты российской экономической модели.

Ключевые слова: экономическая теория, экономическая система, национальная экономика, российская модель.

V.M. Kulkov,

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

NATIONAL SPECIFICATION OF THE ECONOMIC SYSTEMS

In this article, the idea of the structure of general economic theory and reflection in it features of the national economy is formulated. Parameters of the national economic system are disclosed. Specific features of the Russian economic model are analyzed.

Key words: economic theory, the economic system, the national economy, the Russian model.

Проблема сочетания универсальных экономических систем и специфики национальной экономики остается актуальной для экономической теории до сих пор. Для России данная проблема сегодня особенно важна. Стоит еще раз задуматься над вопросами: вписывается ли национальная специфика в предметное поле экономической теории?, каковы адекватные формы научного отражения этой специфики и к чему сводятся конкретные параметры экономической модели страны?

Структура экономической теории и ее предметного поля

Борьба за господство и в этом контексте — за чистоту предмета экономической теории, ведущаяся разными научными школами, — явление давнее и хорошо известное. В России она обострилась в период коренной общественно-экономической ломки 1990-х гг., который характеризовался активным отказом от отечественного

¹ *Кульков Виктор Михайлович*, докт. экон. наук, профессор, профессор кафедры политической экономики экономического ф-та; тел.: +7 (495) 939-33-03; e-mail: viqma@gmail.ru

научного наследия и курсом на ретрансляцию сложившегося на Западе мейнстрима (экономикс). Позднее, хотя монополия мейнстрима и сохранилась, научное сообщество становилось менее категоричным и все более склонялось к признанию многообразия подходов.

В настоящей статье не ставится задача проанализировать эти подходы, конкретные пути и проблемы их развития. Цель состоит в том, чтобы обозначить общий каркас современной экономической теории и структуру ее предметного поля, увидеть возможности, особенно для национальной экономики, выхода на более емкое отражение реальности.

В реальности экономика имеет сложную структуру, в которой выделяются три основных уровня. Во-первых, современная экономическая структура может фиксироваться как совокупность социально-экономических отношений, в центре которой находятся характер экономического строя, способ присвоения, а сами отношения выступают как общественная форма производительных сил. Во-вторых, она может пониматься и как совокупность функциональных связей, складывающихся в процессе движения товарных, ресурсных и финансовых потоков в экономике и отражающих деятельность по рациональному использованию ресурсов, обеспечению макроэкономической стабильности и общего экономического равновесия. В-третьих, эта структура может быть совокупностью институтов, утвердившихся в экономике. Из-за такой многоликости экономику нельзя рассматривать в рамках одной системы координат, поэтому и теоретическое представление о ней должно быть многоаспектным, содержать разные виды анализа. Современная экономическая теория, претендующая на адекватное научное отражение действительности, должна включать несколько направлений, связанных общим предметом — экономическими отношениями, притом что каждое из этих направлений имеет и свой непосредственный, более узкий предмет — социально-экономические отношения, функциональные экономические связи, экономические институты. В соответствии с таким подходом в качестве основных структурных частей современной экономической теории можно выделить социально-экономическую теорию (политэкономия), теорию функционирования экономики (микроэкономика и макроэкономика в их сложившемся виде), институциональную экономическую теорию. Часто используемый термин «общая экономическая теория», по мнению автора, как раз способен зафиксировать основополагающий характер трех частей, отразить триединство. Это как бы «жесткое ядро» экономической теории, вокруг которого могут существовать другие направления. Стоит заметить, что исторически сложившийся формат организа-

ции кафедры политической экономии МГУ позволяет ей реализовать указанное триединство и комплексно изучать экономику. Можно вспомнить и позицию А.И. Чупрова — наиболее известного экономиста Московского университета за всю его историю, 25 лет (1874—1899) возглавлявшего университетскую кафедру политической экономии и статистики. Он, оценивая три сложившиеся на тот момент научные школы политэкономии (классическую, марксистскую и историческую), писал: «...при беспристрастном взгляде на дело в каждой из трех школ оказывается своя доля истины» [Чупров, 1874, с. 14].

Объединение названных выше направлений в рамках единой структуры вряд ли (по крайней мере, пока) способно принять форму «большого синтеза». Скорее, на этом этапе следует исходить из принципов так называемой новой эклектики. Согласно ей может быть утверждено сосуществование «под одной крышей» разных элементов, разграничение сфер влияния которых (своего рода ниш) осуществляется на основе конвенций между участниками (в данном случае, между научными направлениями или исследовательскими программами). При таком формате обеспечивается представительство каждого (каждой) из них, а следовательно — многосторонность и комплексность научного взгляда. Данный подход особенно важен для современных российских условий, поскольку он позволил бы преодолеть имеющийся монополизм в структуре экономического образования и науки, сохранить разные направления, обеспечив тем самым широту анализа.

Конечно, трудно ожидать всеобщего принятия этого подхода. Одним (сторонникам сложившегося мейнстрима) не хочется расставаться со своим монопольным положением, другим (многим политэкономам) претит само «помещение в нишу»: мощная традиция подпитывает их желание бороться за максималистский вариант, даже действовать по принципу «или все, или ничего». Кроме того, конвенциональный подход содержит ряд уязвимых мест и вызывает закономерные вопросы — в частности, о границах и «красных флажках» для каждой части, о возможности вторгаться в область интересов друг друга, о способах коммуникации и т.п.

Если говорить о политэкономии, то для нее важно сейчас «за столбить» легальное место в пространстве современной экономической теории, а далее (это относится и к другим частям) развиваться, увеличивать свой потенциал и влияние, показывать свои возможности в новых сферах. Она могла бы перенять от неоклассики уже давно применяемую ею эффективную практику экономического империализма, преобразовав последний в «политэкономический империализм» [Кульков, 2013, с. 107—108], который мог бы быть реализован в двух формах: внутренней и внешней.

Политэкономия в форме «внутреннего империализма» может существовать в рамках самой экономической теории, смещая указанные выше границы в пользу политэкономического блока. В числе таких направлений: расширение воспроизводственной трактовки кризисов в новых условиях, понимание современной долговой экономики как сферы мультипликации фиктивного капитала, проникновение в сферу рентоориентированного поведения через развитие известной теории земельной ренты, показ специфики и границ общества потребления с использованием идеи товарного фетишизма, изучение экономических деформаций и широко распространившихся в современной жизни всякого рода симулякров через призму изучаемых политэкономами «превращенных форм» и т.п.

Политэкономия может реализоваться и в форме «внешнего империализма». Для это она должна активнее проникать в новые сферы, которые считаются предметом изучения других наук, больше внимания уделять междисциплинарным вопросам, преодолевать узкоэкономический подход, учиться использовать политэкономический аппарат для анализа разных областей жизни. Добровольно устранившись от всех этих процессов, политэкономия неизбежно будет проигрывать «всеядному» фронтальному наступлению неоклассики.

Конвенциональное объединение разных направлений способно само по себе дать новые научные импульсы, а также обозначить синтетические проекты. Но в сложившихся условиях более реалистичным представляется проект комплексного исследования отдельных проблем и сфер экономики с использованием арсенала разных направлений.

Приведем пример, касающийся понимания феномена собственности. Здесь можно выделить три составляющие: характер социально-экономического присвоения, формы собственности, права собственности. Характер социально-экономического присвоения более адекватно описывается в рамках политэкономии, которая к тому же способна расширить и осовременить круг способов присвоения, включив в него сочетание социально ориентированного и факторно-ориентированного присвоения, постиндустриальное присвоение, рентоориентированное присвоение и др. Второй составляющей — о формах собственности — наибольшее внимание уделяют неоклассика и либеральное направление, которые во главу угла ставят частную собственность, и марксистская политэкономия, считающая самой важной общественную собственность. И, наконец, третья составляющая феномена собственности, которая связана с пониманием прав собственности как санкционированных поведенческих отношений по поводу использования благ и как набора определенных частичных правомочий, является основным предметом обсуждения неоинституциональной теории

собственности. В итоге полное понимание собственности достигается сложением всех ее трех составляющих, отражающих разные стороны собственности.

Число таких возможных примеров сложения сил может быть увеличено.

Теоретическое отражение национального своеобразия экономики

Общая экономическая теория в единстве трех ее вышеназванных частей может быть определена как универсальная теория. Конечно же она фиксирует общие закономерности, которые реализуются в разных условиях. Однако исчерпывается ли этим представление о национальной экономике (экономике отдельной страны, в нашем случае — России); должна ли быть особая часть экономической теории, нацеленная на отражение национальной специфики; впишется ли она в общее предметное поле теории; а может быть, следует вообще снять с себя такую ношу, отдав все национальные спецификации конкретным дисциплинам? Сама по себе необходимость учета национальной специфики не вызывает возражений у подавляющего числа экономистов, но способы реализации предлагаются разные.

Переключивание изучения национальных особенностей на конкретно-экономические науки и учебные курсы непродуктивно, по крайней мере, по двум причинам. Первая состоит в том, что тем самым игнорируется более глубокий пласт экономической жизни, выражающий адекватный для страны тип экономических отношений, содержание национальной модели экономики, характер национального воспроизводства, определенность вектора и противоречий развития и т.п., что неизбежно ведет к «обмельчанию» анализа национальной экономики. Вторая причина касается самой экономической теории: отношение к национальным характеристикам как к чему-то «нефундаментальному» снижает ее действенность, привлекательность и востребованность. Преувеличение роли абстракций в теоретико-экономическом анализе, которая проявлялась в одном случае (политэкономия) в философско-экономической, а в другом (экономикс) — в экономико-математической схоластике, вызвало немало негативных последствий, сказавшихся на авторитете экономической теории, и закономерно обусловило то, что было названо «разворотом к реальности» [Автономов, 2013, с. 20]. Небезынтересно в этом контексте отметить следующее: в Германии со времен исторической школы в большей степени, чем в англосаксонском научном мире, принято связывать экономическую теорию с национальной экономикой, что находит свое выражение в ее обозначении термином *Volkswirtschaftslehre*, кото-

рый дословно можно перевести как «учение (теория) народного (национального) хозяйства», а также в использовании термина «национальная экономия» в том числе и в обозначении основных научных школ как «школ национальной экономики» [Issing, 2002].

Современные реальные процессы показывают необходимость усиления внимания к уровню национальной экономики. Последние десятилетия остро показали, насколько цивилизационно разнообразен и противоречив наш мир. Мировой экономический кризис, начавшийся в 2008 г. и еще толком не закончившийся, обнажил иллюзорность представлений об устойчивости мирового глобального порядка, обострил противоречия между национальным и глобальным параметрами, заставил страны больше заботиться о своих интересах. Выросло количество отрицательных суждений об универсалистских претензиях современной экономической теории со стороны экспертов, практиков, политиков, студентов, желающих видеть ее практически значимый потенциал и преодоление отрыва от реальности. Результатом этого стал призыв к созданию «корректной экономической теории» [Колодко, 2010, с. 63–64], чертами которой были названы: отказ от догматизма, от попыток создать универсальную теорию роста; использование междисциплинарного подхода; перемещение в многомерном пространстве, состоящем из конкретных исторического, географического, культурного, институционального, политического, социального измерений; широкое использование компаративистики и т.п. По сути (хотя и в форме, содержащей некоторое пренебрежение к «высокой теории»), акцент делается на том, что необходимо больше учитывать те факторы и параметры, которые в нашем представлении входят в систему координат теории национальной экономики.

Помимо названных оснований есть и собственно российские причины, среди которых следует выделить: необходимость осмысления характеристик социально-экономического строя, сложившегося в стране почти за четверть века, выработки путей и способов преодоления накопившихся деформаций, инвентаризации импортированных в Россию институтов, формирования вектора развития и т.п. О многом говорят и положения, сформулированные В.В. Путиным в речи на Валдайском форуме осенью 2013 г., в числе которых: «фундаментальный характер обретения и укрепления национальной идентичности», «возвращение России к самой себе», восстановление «непрерывности и целостности исторической ткани» [Путин, 2013]. Возможное усложнение положения России в мире в «посткрымский период» усилит внимание к национальным факторам развития, специфике параметров экономической системы страны.

Имеется и чисто научно-академический аспект, связанный с тем, что более глубокое проникновение национальной экономики

в структуру экономической теории будет способствовать развитию последней, прежде всего через усиление взаимодействия ее составных частей. Чисто абстрактное синтезирование неэффективно. Когда же такое взаимодействие нанизывается на единый стержень в форме национальной экономики, возникает осмысленность усилий; появляется своего рода «клей», скрепляющий разные научные направления. В конечном счете это может привести к тому, что назовут «большим национальным научным синтезом», который будет иметь не только российское значение, но и общенаучный потенциал.

Все перечисленные причины (мировая, российская, общенаучная) указывают на востребованность включения национального компонента в структуру экономической теории. В максимальном варианте — это теория национальной экономики (в более понятном выражении — Экономическая система России), входящая в орбиту экономической теории как ее относительно самостоятельная часть, но не претендующая на вхождение в ее «жесткое ядро».

Основанием для такого вывода является то, что предмет национальной экономики, во-первых, включен в общее предметное пространство экономической теории, представленное системой экономических отношений, а во-вторых, является особым ракурсом этой системы и ее общего предметного поля. Таким предметом выступает *национальная экономическая система* как система экономических отношений (национально-экономических отношений — в терминологии исторической школы), взятая в единстве с присущими стране экономическими и неэкономическими факторами, отражающая их воздействие на экономику страны, обеспечивающая ее устойчивое функционирование и развитие, поддержание жизнедеятельности и расширенного воспроизводства на национальной территории и реализующая стоящие перед страной долгосрочные цели развития и национальные интересы. Объективными предпосылками такой системы оказываются, во-первых, уровень развития и характер национальных производительных сил; во-вторых, национально-специфические неэкономические факторы (природно-климатический, географический, геополитический, социокультурный и др.), в-третьих, жизненно необходимые, а поэтому объективные, а не субъективные, позитивные, а не нормативные цели национального развития (для России — это суверенность экономики, модернизация производства, сбережение народа, сохранение территориальной целостности и единого экономического пространства и т.п.). Данная зависимость может быть сформулирована как закон соответствия национально-экономических отношений уровню и характеру национальных производительных сил, национально-специфическим факторам и целям национального развития.

Основными чертами национальной экономической системы являются:

— опосредованность системы всем комплексом специфики данной страны и прежде всего особенными факторами и целями национального развития;

— особый акцент на роль цивилизационного фактора: в определенной степени национальная экономическая система есть проекция локальной цивилизации на экономику;

— интегральность и многогранность: национальная экономическая система проникает во все стороны (области) универсальных экономических систем, в каких бы научных классификациях они ни фиксировались;

— смешанный характер национальной системы, вызываемый не только общими мировыми тенденциями, но и реальным разнообразием условий в стране, формирующем особые национальные коэффициенты смешения.

Таким образом, национальная система шире, полнее и сложнее универсальной экономической системы. В силу этого ее теоретическое отображение не может быть обеспечено лишь одним направлением или одной областью экономической теории. Оно предполагает комплексное использование разных научных течений, в котором особую интегральную роль может сыграть теория национальной экономики, изначально сориентированная на национальную систему экономических отношений.

Каким же может быть ее наполнение?

В ней, как представляется, должны быть два блока, по-разному связанные с общей теорией.

Первый блок содержит национальные спецификации универсальных выводов (законы, закономерности), формулируемых на основе разных составных частей общей экономической теории по известной схеме «общее — особенное». Реализация национального компонента выразится в страновой спецификации социально-экономического строя страны, институтов, макроэкономики и микроэкономики, создавая возможность дальнейшего перехода на конкретно-экономический уровень. Указанная спецификация порождается наличием особых посредствующих звеньев в виде национально-особенных факторов и целей, отмеченных выше. Тогда на базе «общего», фиксируемого экономической теорией (полит-, макро-, микро- и институционально-экономического «общего»), возникает не просто «особенное», а «национально-особенное», отражающее специфические характеристики страны. А.И. Чупров в свое время говорил о важности выяснения роли второстепенных факторов, лежащих «в промежутке» между общими законами и конкретными явлениями [Чупров, 1874, с. 15]. Обратим внимание в этом контексте и на позицию современного немецкого исследо-

вателя российской экономической мысли Й. Цвайнерта: «Вопрос: западная экономическая теория или традиционная политическая экономия? — представляется неправомерным. В значительно большей мере речь идет о том, как можно модифицировать “западные”, точнее интернациональные теории, чтобы они соответствовали специфическим условиям российской экономики» [Цвайнерт, 2008, с. 372]. Из этой цитаты (при всех претензиях к ее отдельным пунктам) можно извлечь два вывода: первый касается непродуктивности «лобового» столкновения полярных парадигм (об этом уже говорилось выше), другой ориентирует на важность национальных спецификаций как самих парадигм, так и отдельных категорий, входящих в разные части общей экономической теории.

Но исчерпывается ли этим набором спецификаций теоретическое отражение особенностей национальной экономики? Скорее всего, нет — причем по двум причинам. Касательно первой будет уместным вспомнить (вновь погружаясь в историю кафедры) полемику 1960–1970-х гг. между двумя известными советскими политэкономистами Н.А. Цаголовым и Э.Я. Брегелем. Последний пытался растворить категории империализма в стандартной структуре марксистской политэкономии капитализма (например, финансовый капитал в главе о ссудном капитале), а его оппонент доказывал необходимость выделения в ней отдельной части, которая давала бы целостное, системное представление об особой стадии капитализма. Для нас в данном случае это важно в плане аргументации необходимости выделения относительно особой части в структуре экономической теории, специально посвященной теоретическому отображению национальной экономики. Национальные спецификации нужно не просто обозначить, их нужно дать в системном виде. Их структура и логика, как представляется, должны быть такими: национальный социально-экономический строй (выражение национальной политэкономии), национальные институты, национальная макроэкономика и национальная микроэкономика. Причем их фиксация именно в такой последовательности не случайна, поскольку она отражает движение от сущностного пласта национальной экономики к функциональному уровню.

Но есть и другой аспект выделения указанной части (второй блок). Он фиксирует уникальные характеристики национальной экономики, их обусловленность цивилизационной средой, пространственным своеобразием, другими уникальными факторами, присущими России. Последствиями такого рода факторов становятся не просто национальные модусы «общего», а сильные отклонения от «общего» (своего рода национальные деформации, но не в привычно негативном смысле, а как неизбежное следствие национальной среды) и более того — нереализация «общего». Примером названных деформаций могут быть национально обуслов-

ленные ограничения российской рыночно-конкурентной среды (помимо бюрократических, криминальных и прочих негативных барьеров). Примером нереализации «общего» может быть действие известного закона (принципа) сравнительных преимуществ, впервые сформулированного в классической политэкономии. Он может вступить в противоречие с национальными интересами страны, закрепляя ее зависимое положение: «В “асимметричной” свободной торговле одна часть легко специализируется на сравнительном преимуществе быть бедными» [Райнерт, 2010, с. 20–21].

Формой проявления национально-уникального могут быть (видимо, это относится только к узкому кругу стран, к которым конечно же принадлежит Россия) и национальные экономические законы [Кульков, 2013, с. 112] — такие эксклюзивы, которые свойственны определенной стране и в силу этого не являющиеся универсальными. Другими словами, это «такое особенное, которое... в другой системе, как правило, не приживается... и при определенных условиях превращается в другое всеобщее» [Рязанов, 2009, с. 103]. Под указанные черты применительно к России подпадает ряд социальных традиций, особое значение национальной безопасности, необходимость более сильного участия государства в экономической жизни, проявляющаяся независимо от исторической стадии. Роль государства в экономике России нельзя объяснить обычными провалами рынка или вывести из кейнсианской или марксистской теории. Она продуцируется прежде всего уникальными условиями страны. Государство в России имеет не только экономическую и политико-правовую природу, но в первую очередь цивилизационную. Эта мысль содержится и в уже упомянутом выше выступлении Президента РФ, когда он, уделив много внимания российской идентичности, отметил, что «Россия, как образно говорил философ К. Леонтьев, — всегда развивалась как “цветущая сложность”, как государство-цивилизация... Именно из модели государства-цивилизации вытекают особенности нашего государственного устройства». Здесь стоит воспроизвести и другие, более общие положения, содержащиеся в данном выступлении, о произошедшем в России «разрыве традиций, единства истории, связи поколений», необходимости «восстановить целостность исторической ткани», вернуться России «к самой себе», «в собственную историю» [Путин, 2013]. Представляется, что сформулированный выше вывод о национальных законах может быть выражением такой целостности истории страны, так как единство национального исторического процесса обеспечивается не только духовными, но и экономическими скрепами. Возможный упрек в разнородности элементов системы (а следовательно, в бессистемности) снимается тем, что, во-первых, в ней имеется сильный национальный стержень, «склеивающий» воедино все ее элемен-

ты, а во-вторых, есть примеры реализации такого рода неоднородности, когда в экономической структуре могут находиться элементы, не связанные с «общим» или связанные с ним только косвенно. В числе таких примеров можно назвать университетский «Курс политической экономии» под редакцией Н.А. Цаголова. В его втором томе в одной структуре помещались не только формационные (вроде бы претендующие на роль «общего»), но и фазообразующие и унаследованные от предшествующих систем отношения, т.е. отношения, которые вряд ли могут считаться модусами «общего». Следует отметить и нарастание разнородности [Автономов, 2013, с. 20] в современном мейнстриме, в частности в форме проникновения в него поведенческой экономики.

Следует обратить внимание и на еще одно выражение «уникального», — в данном случае касающееся уже упоминавшейся пространственной экономики России. Анализ данного вопроса наталкивает на определенные выводы

Возникает совершенно новый, не фиксируемый пока должным образом ракурс — различие между двумя направлениями экономической теории. Одно из них можно было бы условно назвать направлением «вертикально-временного» анализа, где главным является временной фактор: это или время (периоды) функционирования, как в неоклассическом мейнстриме, или время развития, историческое время, как в марксистской политэкономии. Другое, альтернативное направление, — «горизонтально-территориального» анализа, где в центре находится пространственный аспект. Показательно в этом случае предложенное Дж. Арриги деление стратегий государства (а следовательно, и их научных оснований) на капитализм и территориализм в зависимости от того, что является целью, а что средством: капитал или территория, пространство [Российская хозяйственная мысль..., 2013, с. 84–85]. Понятно, что второе направление крайне востребовано в России, так как отражает уникальность присущего ей пространственного фактора.

Таким образом, в теорию национальной экономики (Экономическую систему России) входят два укрупненных блока экономических отношений, которые можно обозначить как национально-особенные и национально-уникальные отношения, имеющие разную степень связи со стандартными частями общей экономической теории. Как представляется, именно в таком формате будет обеспечено адекватное, целостное, системное теоретическое представление о российской экономике, обладающее теоретической силой и практической значимостью.

Подобный учебный курс необходим в структуре экономического образования, в том числе и на экономическом факультете МГУ. Он займет особое место среди экономических дисциплин и в логике их преподавания, выполнит роль своеобразного «переходника».

С одной стороны, он будет «венчать» базовые курсы экономической теории, придавая их выводам обобщающий характер и национальную специфику, а с другой стороны, послужит общей основой для последующих конкретных дисциплин, отражающих отдельные стороны российской экономики. Его логически оправданное место — на 2-м учебном курсе, где такой переход начинает осуществляться согласно учебному плану. В противном случае этот учебный курс станет не функциональным «довеском» к другим дисциплинам, а, будучи названным «Экономика России», будет восприниматься как конкретная дисциплина, обладающая определенной информативностью, но не имеющая ясно выраженного стержня.

Детализированная структура предлагаемого курса могла бы состоять из следующих частей (блоков, разделов). Первая часть — «Социально-экономический строй России», в которой даются общие характеристики национальной экономической системы страны и ее исторического состояния с акцентом на специфику экономических способов координации и присвоения. Во второй части — «Национальные институты» — анализируется в общих чертах специфика институциональной среды, обозначается совокупность основных российских институтов. Третья и четвертая части данного курса — «Национальная макроэкономика» и «Национальная микроэкономика» — выявляют российские особенности наиболее важных макро- и микроэкономических характеристик. Возможна в качестве отдельного блока и «Национальная мезоэкономика», не сопряженная с экономической теорией непосредственно, но важная для понимания экономики страны. В нее следует включить, в частности, анализ разного рода хозяйственных комплексов. Должен быть и блок национально-уникальных характеристик, в частности представление о российском национальном хозяйстве как пространственной экономике, об особом значении и выражении экономической безопасности страны и др. Предложенная структура учебного курса поможет реализовать задачу целостного и системного теоретического отображения экономики России.

Далее рассматривается более определенное выражение национальной специфики, которое воплощается в национальной экономической модели.

Национальная экономическая модель

Выражения «национальная экономическая модель» (НЭМ) или применительно к нашей стране «российская экономическая модель» (РЭМ) стали довольно распространенными. Их неиспользование в предыдущей части статьи вызвано тем, что акцент делался

на связи национального компонента с научными системами экономической теории, что вернее выражается термином «национальная экономическая система» (НЭС).

Как же они соотносятся: НЭС и НЭМ? Их содержательная начинка в целом совпадает, поскольку обе они отражают специфику экономики одной страны. Но различны ракурсы их идентификации. Во-первых, НЭС особо отмечает именно системный характер национальной экономики и в силу этого больше сопряжена с теоретическими системами, в то время как НЭМ выдвигает на первый план понимание экономики как национальной разновидности какого-либо стандарта. Во-вторых, НЭС предстает как более общее выражение, раскрывающее национальную экономику в целостном виде; НЭМ же может выступать как более узкое и специфическое явление, определяемое по тому или иному конкретному критерию. Третье отличие касается того, что на базе одной НЭС могут существовать и исторически сменять друг друга разные НЭМ.

Ниже приводится классификация НЭМ.

Страновые НЭМ. Основными критериями разграничения НЭМ выступают экономические способы координации и присвоения. Национальные модели современной рыночной (смешанной) экономики — это модели, различающиеся прежде всего национальными коэффициентами смешения рыночного механизма и государственного регулирования, частного предпринимательства и социальных гарантий. Чаще всего в странах с развитой экономикой выделяют такие известные модели, как либеральная (американская) модель, модель социального рыночного хозяйства (германская), социал-демократическая модель (шведская или скандинавская), модель регулируемого или корпоративного капитализма (японская).

Временные НЭМ. На разных исторических этапах в рамках одной и той же НЭС возможна смена одной модели на другую (например, в рамках национальной рыночной системы — переход от либеральной модели к дирижистской или социально ориентированной). В базовом отношении такая смена предполагает изменение сочетания элементов в способах координации и способах присвоения. Однако говорить о смене модели можно и в локальных случаях, когда происходят сдвиги в более узких, фрагментарных (структурных, функциональных и иных) параметрах НЭМ.

Структурные НЭМ. Различия моделей могут проявляться и в отдельных структурных сегментах экономики. В частности, выделяют национальные модели финансовых рынков, банковских систем, рынков труда, предпринимательства, инновационных систем, социального партнерства и т.д. Они могут подвергаться изменениям в рамках одной НЭС и, более того, даже при сохранении характеристик базовой НЭМ.

Функциональные НЭМ. Национальные модели экономики могут отличаться по функциональным характеристикам. Здесь выделяются, в частности, модели экономического роста, инвестиционного процесса, сбережений и т.д. Стоит обратить внимание на первую из них.

Национальные модели роста. Под национальной моделью роста следует понимать такой способ обеспечения динамики национального продукта страны, который характеризуется использованием определенного набора источников и факторов роста, тем или иным типом роста и т.п. Эта модель должна также учитывать действие всей совокупности национально-специфических факторов — как экономических, так и неэкономических, а также вписываться в русло реализации целей национального развития. Национальная модель роста и общая НЭМ связаны друг с другом. В рамках НЭМ возможен переход к новой модели роста, что активно обсуждается сегодня в России. Важными направлениями являются как поиск путей повышения эффективности факторов производства и функционирования их рынков, так и переструктуризация спросовых компонентов обеспечения роста. С преобладания внешнеэкономического (по сути, сырьевого) спроса и потребительского спроса (притом что первый из них не растет и, скорее всего, будет сокращаться, а «разгон» второго чреват кредитными «пузырями» и ростом инфляции, к тому же в условиях вероятного замедления роста доходов) необходим перенос акцента на инвестиционный спрос с ориентацией на рост реального сектора, на создание качественных рабочих мест и структурные преобразования, что сделает рост качественным и устойчивым. Таким образом, необходим переход к инновационной (инновационно-инвестиционной) модели роста, что, конечно, предполагает целый комплекс мер, связанных с улучшением инвестиционного климата в стране и реализацией внятной промышленной политики. Однако серьезный переход от одной модели роста к другой вряд ли возможен без коррекции или даже существенного изменения базовых основ НЭМ в целом.

Национальные модели развития. В 1990-е гг. в российской экономике был сделан выбор в пользу модели трансформации. Для современной России стратегической необходимостью является модернизация экономики, хотя сам этот термин в последнее время употребляется не так часто, как прежде. В этом аспекте можно говорить о выборе модели модернизации. Здесь уместно заметить, что с 1950—1970-х гг. на Западе активно возникали многообразные теории (модели) развития или теории модернизации, адресованные развивающимся (в основном — слаборазвитым) странам. В таких условиях произошла девальвация термина «развитие». В итоге сузилось и само пространство модернизации — как теоре-

тическое, так и практическое. Национальные модели роста и развития связаны друг с другом, и это особенно проявляется тогда, когда рост становится качественным и происходит на основе изменения потенциала экономики за счет инновационного процесса и нового качества факторов производства. Современная Россия нуждается в росте не столько фактического, сколько потенциального ВВП, что будет означать расширение экономических возможностей страны.

Такова в общем виде структуризация НЭМ. Автор уже не раз высказывался по конкретным содержательным характеристикам российской НЭМ. В частности, было опубликовано учебное пособие «Российская экономическая модель» [Кульков, 2009]. В представленной статье главная мысль состояла в том, чтобы зафиксировать основные параметры проявления национального характера экономических систем, способы теоретического отражения национальной специфики экономики страны, общие ориентиры их реализации в экономическом образовании и в практике функционирования национальной экономики.

Список литературы

- Автономов В.* Абстракция — мать порядка? // Вопросы экономики. 2013. № 4.
- Колодко Г.* Неолиберализм и мировой экономический кризис // Вопросы экономики. 2010. № 3.
- Кульков В.* Российская экономическая модель. М., 2009.
- Кульков В.* Национальная ориентация политической экономии: необходимость и формы реализации // Журн. экон. теории. 2013. № 2.
- Путин В.* Речь на заседании клуба «Валдай» 22 сентября 2013 г. // Официальный сайт Президента России. 2013. URL: <http://www.kremlin.ru/news/19243> (дата обращения: 12.06.2014).
- Райнерт Э.* Реформирование России. Раунд третий // Эксперт. 2010. № 36.
- Российская хозяйственная мысль: своеобразие, история, перспективы / Под ред. Ю. Осипова, Е. Зотовой. М., 2013.
- Рязанов В.* Хозяйственный строй России. На пути к другой экономике. СПб., 2009.
- Цвайнерт Й.* История экономической мысли России. М., 2008.
- Чупров А.* О современном значении и задачах политической экономии. М., 1874.
- Issing O.* Geschichte der Nationalökonomie. München, 2002.